

А.С. ПУШКИН
МЕДНЫЙ ВСАДНИК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. Н. Берхом.

*А.С. Пушкин
даёт собственное
жанровое определение
своему произведению:
«петербургская повесть».*

*Здесь важны оба слова:
автор подчёркивает
роль **Петербурга** в поэме
и одновременно обращает внимание
читателей на то, что он собирается
вести **эпическое повествование**.*

*Правда, начнётся оно лишь в самой поэме,
после Вступления, о чём поэт
упоминает в VI части.*

Вступление

I. Мир до города
(«На берегу пустынных волн...»)

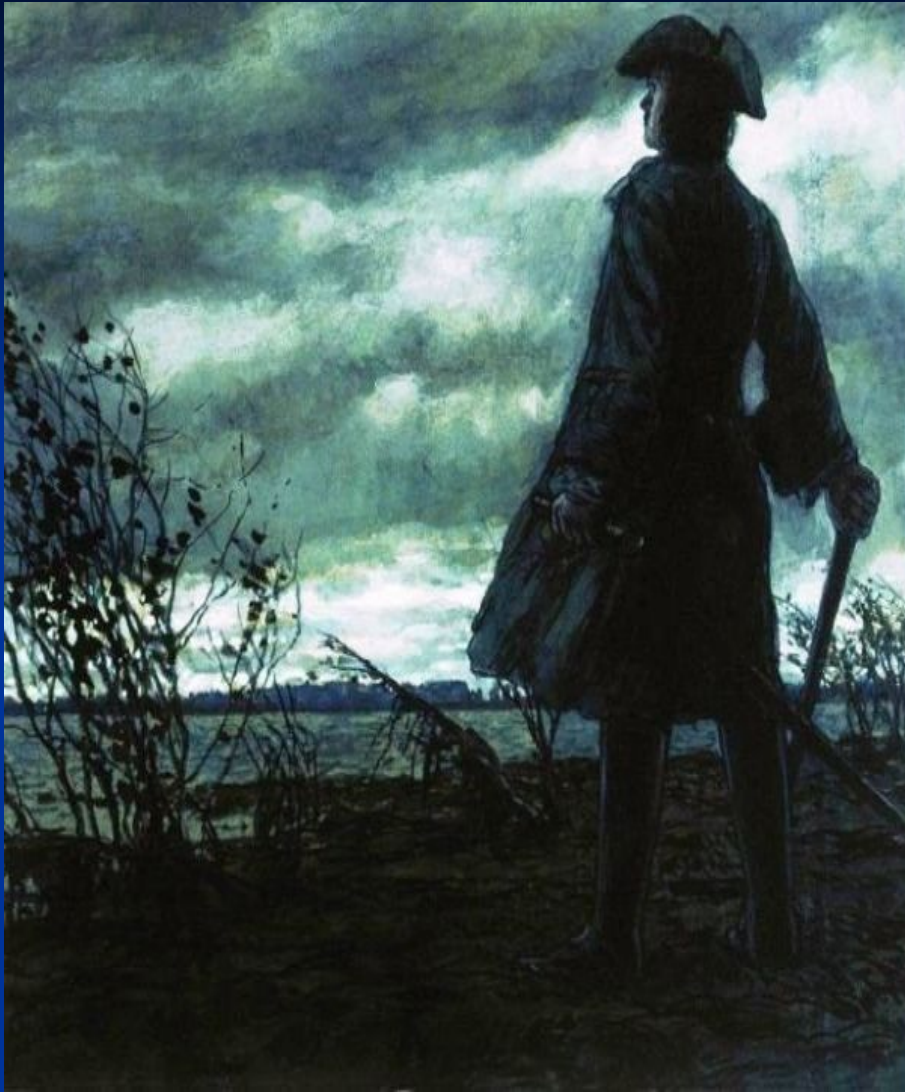
На берегу **пустынных волн**
Стоял *он*, дум великих полн,
И **вдаль** глядел. Пред ним **широко**
Река **неслася; бедный** чёлн
По ней **стремился одиноко.**
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют **убогого** чухонца;
И лес, **неведомый** лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

Ср. с черновыми редакциями:

*На берегах **Варяжских волн**
Стоял глубокой думы полн
Великий Петр. Пред ним *катилась*
Уединенная <река?>*

*Однажды близ пустынных волн
Стоял задумавшись глубоко
Великий муж. Пред ним *широко*
Неслась пустынная Нева.*

*Однажды близ **Балтийских волн**
Стоял задумавшись глубоко
Великий царь. Пред ним *широко*
Текла пустынная Нева.*

*Пётр принимает на себя функции
Творца,*

он хочет сотворить свой мир.

*(Ср. с библейской историей
сотворения мира:*

*«Земля же была безвидна и **пуста,**
и **тьма** над бездною; и Дух Божий
носился **над водою»***

(Быт. 1, 1–2).

*В мире «до города» свет «спрятан»
от Петра (хотя о нём знает автор),
и царь не нашёл его.*

*Он смотрит вдаль и видит
пространство, движение, свободу.*

*Здесь ещё нет вертикали — есть только
горизонтальное пространство, но оно
безгранично.*

II. Думы Петра
(«Здесь будет город заложен...»)

И думал он:

Отсель **грозить** мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу **прорубить** окно,
Ногою **твердой** стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в **гости** будут к нам,
И **запируем** на просторе.

*В думах Петра заложены те **противоречия**, которые воплотятся затем в самом Городе: предполагаемые насильственные действия («прорубить окно») противоречат природе, а не суждены ею, жёсткость Петра («грозить», «назло») плохо сочетаются с гостеприимством и широтой души («И запируем на просторе»). Строительство Петербурга напоминает сооружение **Вавилонской башни**, а гордыня Петра — гордыню её строителей: «И сказали они: построим себе **город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли**» (Быт. 11, 1-9).*

*Образ «города и башни» в кн. Бытие отразил целый комплекс мифологических универсалий, например идею **«центра мира»**, которым должен был стать построенный людьми город.*

В поэме нет описания строительства
Города. Его создание напоминает чудо,
однако это чудо не от Бога.

Город вознёсся ввысь, но не к небу.

В городе Петра нет места человеку, нет
пространства, «толпа кораблей» и
теснящиеся

«громады дворцов и башен»
подавляют, они заполнили мир.

Ср. с **черновыми редакциями**, в
которых сначала отсутствовало слово
«башен», видимо, оно появилось у
А.С. Пушкина не случайно. (См. в
предыдущем разделе упоминание о
Вавилонской **башне**):

Громады тесные дворцов
Стоят вдоль Невских берегов.

Кроме того, в окончательном варианте
Пушкин **вычёркивает слово**
«церквей», которое привносит
оттенок святости, что не
соответствует замыслу поэта:

Теснится стройная громада
[Дворцов и башен и **церквей**]

Окно прорублено, но человеку от этого не
стало светлей. **Свет** новой столицы
напоминает **блеск** царского наряда.

III. Город Петра («Прошло сто лет...»)

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран **краса** и **диво**,
Из **тьмы** лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у **низких берегов**
Бросал в **неведомые** воды
Свой **ветхой** невод, ныне там
По **оживленным берегам**
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К **богатым** пристаням стремятся;
В **гранит оделася Нева**;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее **покрылись** острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

IV. Город Поэта

(«Люблю тебя, Петра творенье...»)

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пищу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,

И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Почему же Пушкин, показавший «юный град» блестящим, пышным и горделивым городом, в котором человеку нет места, признаётся в любви к Петербургу?

В IV части, помимо Петра, Человека («убогий чужонец», «финский рыболов») и Природы, во Вступлении появляется ещё одна сила, ещё один герой – Автор.

Только в лирической стихии Поэта возможно преодоление трагических противоречий, примирение между противоположностями.

Ведь «лирика – это мир, пропущенный через сердце поэта» (Поль Элюар).

Эта композиционная часть – любовное послание Городу.

Анафора «люблю» становится
Своеобразным рефреном.

Многочисленные **олицетворения**
одушевляют мир Петербурга, делают его
живым: «задумчивых ночей», «спящие
громады», «заря ... спешит».

Неожиданные **эпитеты** часто рождают
оксюмороны, соединяя, казалось бы,
несоединимые понятия: «прозрачный
сумрак», «блеск безлунный»,
«воинственную живость», «однообразную
красивость».

Антитезы («недвижный» - «бег», «сумрак» -
«блеск», «тьму ночную» - «золотые
небеса», «девичьи лица» - «пирушки
холостой») и разные по стилистической
принадлежности слова («лоскутья» - «сих
знамён победных», «сиянье» - «шапок»,
«пирушки» - «пламень») не ведут к
разделению, противоположные начала
бытия дополняют, уравнивают друг
друга, рождая гармонию.

Автор использует **перифразу**
(«Петра творенье», «военная столица»),
метонимию («говор балов», «шипенье
... бокалов», «твердые дым и гром»),
метафору («Адмиралтейская игла»)

Город Поэта насыщен **светом**, яркими
красками («прозрачный», «блеск»,
«светла», «золотые», «ярче роз»,
«голубой», «сиянье», «синий») и **звуками**
(«шум», «говор», «шипенье», «гром»;
аллитерация **п, ш, ч, с**). На смену
«громадам дворцов и башен» приходят
«громады **пустынных улиц**» - мир
вновь обретает **пространство**.

Пушкин создаёт свой Город,
в котором мирно уживаются сумрак и
свет, строгость и яркость,
неподвижность и стремительное
движение, частная человеческая
жизнь и история, стихия природы
и творчество.

V. Думы (мечты) Поэта
(«Красуйся, град Петров...»)

**Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!**

*Мечты Поэта о примирении, в
отличие от
дум Петра, могут найти своё
воплощение -
но только в пространстве
лирического
текста*. Автор как герой
покидает поэму.*

**Ср. мотив примирения в связи с
Петром
в лирическом «Пире Петра I».*

VI. До повести
(«Начну своё повествованье...»)

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

*Дальше начнётся
повествование, в
котором
останутся три силы:
стихия природы, Пётр
(Медный всадник) и
Человек, - трагические
противоречия между
которыми непреодолимы.*

Интересно, что композиция Вступления зеркальна:

I. Мир до города

(«На берегу пустынных
волн...»)

II. Думы Петра

(«Здесь будет город заложен...»)

III. Город Петра

(«Прошло сто лет...»)

VI. До повести

(«Начну своё
повествование...»)

V. Думы (мечты) Поэта

(«Красуйся, град Петров...»)

IV. Город Поэта («Люблю

тебя, Петра творенье...»)

